

ВАЛЕРИЙ ЛЕЙБИН

ПРЕВРАТНОСТИ ЛЮБВИ.
ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКИЕ
ИСТОРИИ

Валерий Лейбин

**Превратности любви.
Психоаналитические истории**

«Когито-Центр»

2011

Лейбин В. М.

Превратности любви. Психоаналитические истории /
В. М. Лейбин — «Когито-Центр», 2011

ISBN 978-5-89353-347-7

Данная книга относится к жанру психотерапевтических историй. Действие происходит в рождественский вечер на квартире одного из психоаналитиков, пригласившего к себе коллег для неформального общения. После застолья психоаналитики по очереди рассказывают истории лечения пациентов, испытывающих трудности на тернистом пути любви и секса.

ISBN 978-5-89353-347-7

© Лейбин В. М., 2011

© Когито-Центр, 2011

Содержание

Рождественский вечер	5
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Валерий Лейбин

Превратности любви: Психоаналитические истории

Рождественский вечер

Очередной Новый год каждый из друзей встречал по-своему.

Подтянутый, с ухоженной бородой профессор Лившиц Иннокентий Самуилович встречал Новый год в кругу своей семьи, где за накрытым разнообразными яствами круглым столом по давно заведенной традиции собрались все те близкие люди, которые оказались в это время в Москве.

Его жена, хорошо сохранившаяся для своих 60 лет миловидная и стройная хозяйка дома, обеспечивала комфорт и уют для 67-летнего профессора.

Их дети – старшая дочь со своим мужем и 6-летним ребенком, средний сын, преподающий в консерватории и впервые приведший в дом свою невесту, младший сын, заканчивающий аспирантуру и завершающий диссертацию по истории искусства в эпоху Ренессанса, а также сестра жены, приехавшая в канун Нового года из Санкт-Петербурга.

Когда бой курантов начал отсчитывать последние секунды уходящего года, все дружно встали из-за стола с поднятыми бокалами шампанского и с двенадцатым ударом радостно поздравили друг друга с Новым годом, пожелав всем счастья, успехов и благополучия.

С небрежно распушенными волосами 58-летний кандидат медицинских наук Разумовский Вадим Сергеевич, которому пришлось срочно выехать из дома по делам клиники, успел вернуться к своей семье за 15 минут до боя курантов.

Его жена, дородная, утратившая былую красоту и восполняющая ее непрофессиональным макияжем 56-летняя дама, а также прыщавый, уже принявший не одну рюмку водки и разомлевший от нее отпрыск с кислыми минами и упреками встретили Разумовского, который принялся оправдываться.

В спешке он начал открывать бутылку шампанского, но она никак не хотела поддаваться. Пробка вылетела лишь после того, как бой курантов уже прекратился, а на экране телевизора появилась очередная поп-звезда, поющая о любви и лихо вращающая бедрами.

Лысый, невысокий, всегда стремящийся выглядеть энергичным и преуспевающим любитель женского пола 53-летний Вайсман Аркадий Григорьевич спешно укладывал в подарочный пакет коробочку с серебряными сережками, чтобы после боя курантов, выпив бокал французского шампанского и поцеловав свою 52-летнюю жену, слишком тощую, на его взгляд, и вечно сварливую, преподнести их своей «старушке».

Он был рад, что несколько часов тому назад удалось ускользнуть из-под бдительного ока супруги и побывать в доме своей любовницы, где, подарив ей золотые сережки, он в очередной раз испытал неописуемое наслаждение от обворожительных губ молодой женщины, ласкающей его восставшую плоть.

После боя курантов Вайсман чмокнул в щечку свою жену и, радуясь тому, что так удачно удалось проводить старый и встретить Новый год, с чувством глубокого удовлетворения выпил рюмку коньяка, закусил лимоном и блаженно принялся уплетать перепелиные яйца с икрой, крабовый салат и ломтиками нарезанный ананас.

Высокий, худой, всегда ироничный и язвительный, со впалыми щеками, но с пронзительно-выразительными глазами 49-летний Киреев Валерий Юрьевич в канун Нового года находился один в своей холостяцкой квартире.

Днем ранее его пригласил к себе младший коллега по работе, который видел в нем неординарную, хотя и не понятую многими сотрудниками личность, фонтанирующую нестандартными идеями, но не помышляющую о карьерном росте и материальном благополучии.

Киреев принял это приглашение с благодарностью, хотя, как обычно, придал ей сексуальную окраску, сказав, что ему импонирует гомосексуальный подтекст встречи Нового года в обществе молодого мужчины. Однако за два часа до боя курантов он успел выпить стакан водки и в разговоре с самим собой, сопровождаемым хрустом соленых огурцов и откусыванием бутербродов с сырокопченой колбасой, так незаметно опустошил почти всю стоящую на кухонном столе бутылку, что погрузился в безвременное забытие.

Даже бой курантов не смог вывести его из этого состояния, которое прервалось лишь с первыми хлопками фейерверка, донесшимися до его слуха через открытую форточку. Тряхнув головой, Киреев скользнул мутным взором по циферблату криво висевших на кухне настенных часов, матерно выругался, ополоснул лицо холодной водой из-под крана и, махнув на весь свет рукой, потянулся за бутылкой пива, которая пришлась ему как нельзя кстати.

Так в гордом одиночестве он встречал Новый год, пока не свалился с ног от гремучей смеси оставшейся в бутылке водки с пивом.

Прошло несколько дней.

Каждый по-своему отходил от встречи Нового года. Однако в канун Рождества Вайсману пришла в голову идея собраться у него дома мужской компанией, чтобы поговорить по душам и одновременно отвести подозрения своей жены, которая хотела поехать на два дня к своей маме вместе с сыном-лоботрясом, но в то же время опасалась, как бы ее благоверный не воспользовался свободой в ее отсутствие.

Вайсман с присущей ему энергией позвонил наиболее близким его коллегам и предложил устроить на Рождество мальчишник.

У некоторых из них были свои планы на вечер, и они выразили свое сожаление по поводу того, что не смогут принять участие в этом многообещающем мероприятии. В частности, профессор Лифшиц сослался на срочную работу по написанию какой-то статьи.

Лишь Разумовский и Киреев с энтузиазмом восприняли данное предложение. Первый спросил, что ему принести к общему столу, в то время как второй даже не заикнулся об этом. Не то чтобы Киреев был халявщиком, просто, будучи холостяком, он не придавал какого-либо значения подобным тонкостям и мог то захватить с собой набор подчас несовместимых продуктов, то заявиться с пустыми руками, не испытывая при этом никакого дискомфорта.

Вайсман понимал, что в компании Разумовского и Киреева их мальчишник может оказаться не чем иным как пьянкой на троих. А это никак не входило в его планы. Он хотел быть в полной форме, так как рассчитывал, что после завершения мальчишника проведет рождественскую ночь в объятиях любовницы, которой он заранее сообщил, что жены и сына не будет дома.

Кроме того, его благоверная супруга знала о загулах Киреева и поэтому вряд ли согласилась бы на то, чтобы в ее отсутствие муж устраивал подозрительный мальчишник. Значит, ему во что бы то ни стало необходимо было уговорить принять участие в мальчишнике профессора Лифшица, к которому его жена испытывала особое почтение и уважение.

Получив отказ от профессора Лифшица, Вайсман стал действовать ранее проверенным и действенным способом. Он позвонил жене профессора, поздравил ее с наступившим Новым годом и долго рассыпался в различного рода комплиментах в ее адрес. Наговорил много лестного о ее муже, высказал озабоченность в связи с его загруженностью по работе и необходимостью отдыха от трудов праведных. Как бы между прочим сообщил, что устраивает у себя дома своего рода «интеллектуальную разрядку» и попросил уговорить всеми уважаемого профессора сделать необходимый для его здоровья небольшой перерыв в работе.

Через день Вайсман позвонил профессору Лившицу и, извинившись, что отрывает его от дел, попросил оказать ему услугу – уточнить какую-то дату, связанную с историей развития одной научной идеи. Это был тонко рассчитанный ход, поскольку на самом деле в то время его не интересовала ни сама идея, ни тем более история ее зарождения.

Профессор Лившиц с удовольствием откликнулся на просьбу Вайсмана, долго рассказывал о соответствующей идее и в конце разговора спросил, состоится ли рождественский мальчишник.

Вайсман в красках описал, как планирует «интеллектуальную встречу» коллег, какая польза может быть для научного сообщества от неформального общения с таким выдающимся ученым и врачом, как профессор Лившиц. Словом, он произносил такие хвалебные эпитеты в адрес уважаемого профессора, что тот дал согласие на свое участие в предстоящем мальчишнике.

Тонкий план Вайсмана сработал. Теперь он с таким азартом стал расписывать перед своей женой встречу «титанов мысли», что та, только услышав имя профессора Лившица, сделала все для того, чтобы не ударить в грязь лицом.

Она дала указания своему мужу, что купить к столу, навела в доме идеальный порядок и перед самым отъездом к маме, накануне Рождества, приготовила изящные салаты и запекла утку с яблоками, которую осталось только слегка подогреть перед тем, как подавать на стол.

Попросив передать профессору Лившицу свои поздравления по случаю Нового года и Рождества, благоверная Вайсмана с чувством выполненного долга уехала вместе с сыном к своей маме. А ее муж, довольный реализацией задуманного плана, весь день пребывал в приподнятом настроении и в предвкушении того удовольствия, которое позднее ему доставит любовница.

До чего же Вайсману нравилось совмещение двух планов игр – интеллектуального и эротического! Дело в том, что профессия Вайсмана, как и профессия его коллег, так или иначе была сопряжена с интимной жизнью других людей. Он был практикующим психоналитиком, а, как известно, психоналитики чаще всего имеют дело с пациентами, психические расстройства которых уходят своими корнями в их психосексуальное развитие и различного рода переживания, обусловленные их сексуальной неудовлетворенностью.

Вайсман обожал сексуальные игры, особенно со своей последней любовницей, которая оказалась на удивление искушенной и превращала его уже давно не молодое тело в сгусток сладострастия. Но, что вполне естественно и понятно, он никогда не говорил об этом со своими коллегами, такими же, как он, практикующими психоналитиками, предпочитая обсуждать с ними клинические случаи и четко придерживаться в своей профессиональной деятельности тех правил, которые установлены в психоналитическом сообществе.

Соблюдение принципа абстиненции, то есть отказа от удовлетворения желания пациентов, в том числе и сексуального характера, неукоснительно соблюдалось Вайсманом. Правда, его неутомимое мужское достоинство нередко давало знать о себе во время психоналитических сессий, особенно в том случае, когда на прием к нему приходили молодые и источающие сексуальные желания женщины. Тем не менее он никогда не позволял себе ничего лишнего и лишь усилиями воли, а подчас и незаметно рукой загонял на место восставшую плоть, чтобы добросовестно исполнять возложенные на него обязанности врача-психотерапевта.

А вот поговорить о сексуальности пациентов, рассказать анекдоты о психоналитиках откровенного, а подчас и сального характера, – это всегда пожалуйста, тем более в дружеской компании. Поэтому Вайсман предвкушал удовольствие от неформальной встречи со своими коллегами, которое станет прелюдией к его последующей встрече с любовницей, способной, как никто другой, довести его до оргазма.

Конечно, он получает оргазм и с женой, но ласки любовницы намного превосходят все то, что может ему дать его благоверная, которая воспринимает минет как нечто непристойное

для замужней женщины, матери их ребенка. Почему-то ей это никогда не нравилось, и его попытки в начале брака склонить ее к получению высшего удовольствия именно таким образом чаще всего завершались неудачей, а затем окончательно прекратились. Вот кому необходим психоанализ! Но разве пошлешь жену к другому психоаналитику?

Во-первых, она сама не пойдет ни к кому, тем более если психоаналитик не женщина, а мужчина. Во-вторых, было бы верхом неосмотрительности посылать ее пусть даже к самому почитаемому психоаналитику, такому, например, как профессор Лифшиц. Где гарантия, что о тонкостях супружеской жизни не узнает кто-нибудь из коллег? Не оберешься потом насмешек или иронических колкостей. Промелькнувшие в голове Вайсмана мысли насчет невозможности психоанализа его жены тотчас же улетучились, как только он, взглянув на часы, понял, что до прихода гостей остались считанные минуты.

Настроив себя на корректное балагурство, позволительное хозяину дома, Вайсман заглянул в холодильник. Еще раз осмотрел содержащиеся в нем яства. Потом открыл бар, переставил ряд бутылок так, чтобы наиболее привлекательные оказались на переднем плане. Довольный собой, переоделся, надев легкий джемпер и джинсы, тем самым стремясь придать всем свои видом действительно неформальный характер предстоящей встрече.

Вайсман не пожалел денег на приобретение всего необходимого к рождественскому столу. Правда, он не собирался поразить гостей кулинарными изысками и дорогими деликатесами. Все должно быть в меру скромным, но доброкачественным, похожим на мальчишник, но свидетельствующим об определенном материальном достатке и хорошем вкусе.

Единственное, что его смущало – смогут ли найти общий язык такие антиподы по манерам поведения, как аристократически-интеллигентный профессор Лившиц и грубовато-ершистый Киреев.

Впрочем, Вайсман не переживал по этому поводу. Он даже подумал о том, что будет очень любопытно понаблюдать со стороны за столь необычной психоаналитической тусовкой. Ему останется только сглаживать острые углы и не доводить возможные столкновения мнений до непримиримых конфликтов. Но здесь он будет играть на своем привычном поле, искусно владея присущим ему мастерством наведения мостов даже в самых критических ситуациях.

Первым, за десять минут до назначенного времени, пришел Разумовский. Он по-дружески обнял Вайсмана и, вытащив из большого пакета бутылку армянского коньяка, пару лимонов и батон сырокопченой колбасы, передал их в руки хозяина дома. Потом снял дубленку, повесил на вешалку и, посмотрев по сторонам, нашел лежащие в прихожей шлепанцы, надел их, непринужденно сняв с ног теплые, на толстой подошве ботинки, и, довольный, прошел в гостиную. Чувствовалось, что он уже не раз бывал в этом доме.

Не успели они рассказать друг другу по анекдоту и насладиться содержащимся в них подтекстом, как раздался звонок.

Вайсман поспешил к двери и, открыв ее, радушно и в то же время почтительно приветствовал профессора Лившица, который, отличаясь всем известной пунктуальностью, пришел ровно в пять часов вечера, как и договаривались. Он тепло, но сдержанно поздоровался с Вайсманом, потом расстегнул элегантно сидящее на нем пальто, снял его, положил шарф в рукав пальто и передал его вместе с шапкой хозяину дома, который, будучи наготове, слегка шутя, расшаркался и разместил верхнюю одежду профессора на вешалке в прихожей.

В отличие от Разумовского, одетого в свитер и темные брюки, на профессоре был строгий черный костюм, белоснежная рубашка и галстук, хотя в телефонном разговоре хозяин дома предупреждал его, что форма одежды повседневная. Чуть помедлив, слегка театральным движением профессор развернул оказавшийся в руке сверток и в качестве подарка вручил Вайсману свою последнюю книгу, которая только что вышла из печати.

Рассыпавшись в благодарностях, Вайсман широким жестом пригласил профессора пройти в гостиную. Тот неторопливо прошел туда и не менее сдержанно поздоровался с Раз-

умовским, который быстро встал с кресла, на котором сидел, и, широко улыбаясь, осторожно пожал руку пожилому учителю.

Удобно устроившись в креслах у бара, трое психоналитиков заговорили на профессиональные темы. Вайсман предложил что-нибудь выпить, порекомендовал отменный коньяк и, не встретив возражений, профессионально, зная точную меру, разлил его из фирменной, красивой бутылки по большим бокалам.

На правах хозяина дома он произнес краткий тост за здоровье присутствующих и еще раз поблагодарил профессора за подаренную ему книгу.

Чуть пригубив коньяк, профессор Лившиц начал рассказывать о том, как трудно далась ему эта публикация. Разумовский, сделав глоток коньяка и смакуя его во рту, заглянул в оглавление последней работы профессора, которую Вайсман любезно показал своему коллеге, и, пролистав несколько страниц, задержался на одной из них, сделав вид, что его что-то особенно заинтересовало.

На вопрос Вайсмана о том, почему профессору «трудно далась эта публикация», тот ответил, что наряду с теоретическим материалом в ней содержится один клинический случай, описание которого заставило его переосмыслить классические положения психоанализа о неврозе переноса и негативном эдиповом комплексе.

Оторвав свой взгляд от книги профессора, Разумовский с любопытством посмотрел на Лившица. Он знал, что профессор придерживается основ классического психоанализа Фрейда. В кругу психоналитиков поговаривали о том, что, не являясь ортодоксом, тем не менее профессор был «слишком правильным» и не допускал никаких отклонений от классической техники психоанализа. Поэтому Разумовскому было интересно узнать, что же произошло в процессе лечения одного из пациентов и подтолкнуло профессора к переосмыслению былых устоев.

Он хотел было спросить Лившица об этом. Однако в этот момент раздался звонок в дверь. Вскочив с кресла, хозяин дома поспешил навстречу новым гостям.

Профессор прервал свой монолог и, окинув взглядом гостиную Вайсмана, встал с кресла, подошел поближе к одной из висящих на стене картин и стал внимательно осматривать ее, словно пытаясь определить для себя, является ли данная картина подлинником или мастерски выполненной копией.

Разумовский выпил налитый в рюмку коньяк, пожевал ломтик лимона и, тоже встав со своего кресла, незаметно для профессора сделал легкое вращательное движение ногами, словно хотел размять их.

Из прихожей раздалась громкие голоса. Пришел Киреев, причем не один, а с молодым коллегой, к которому он не попал в ночь под Новый год и которого он затащил к Вайсману, хотя тот и не приглашал его.

По своему обыкновению, Киреев не придерживался никаких правил приличия. Во всяком случае, у окружающих его коллег создавалось именно такое впечатление.

И на этот раз он не видел ничего особенного в том, что пришел на двадцать минут позже и привел с собой в гости к Вайсману молодого психоналитика, переступавшего с ноги на ногу в прихожей.

– Это Виктор, подающий надежды психоналитик и хороший парень, – представил Киреев хозяину дома своего коллегу. – Ты, Аркаша, должен знать его, так как года три-четыре тому назад он посещал твои клинические семинары.

Сделав вид, что он безмерно рад пришедшим гостям, Вайсман дружески хлопнул по спине Киреева и, поприветствовав молодого психоналитика, лицо которого ему показалось действительно знакомым, хотя он не смог вспомнить ничего конкретного о новом госте, нарочито весело сказал:

– Наконец-то. А мы уж хотели начинать без вас. Раздевайтесь быстрее!

Киреев стащил с себя повидавший виды пуховик, под которым оказался жеваный свитер какого-то неопределенного цвета. Помятые брюки топорщились на коленях.

Снимая неочищенные от снега поношенные зимние сапоги, Киреев пошатнулся, но удержался на ногах. Не нуждаясь ни в каких тапочках и оставшись в носках, он чувствовал себя вполне комфортно, тем более что перед приходом в дом Вайсмана успел пропустить пару стопок водки, которые принял, по его собственному выражению, «для сугрева тела брэнного».

В отличие от Киреева, молодой психоналитик явно стеснялся. Он помнил поговорку, что «непрощенный гость хуже татарина», но натиск Киреева два часа тому назад был столь неотразим, что тому удалось затащить его в дом Вайсмана, несмотря на оказанное сопротивление.

Видя нерешительность молодого психоналитика, Вайсман показал, куда тот может повесить свою куртку, и, предложив тапочки, подбодрил его:

– Виктор, будьте, как дома. Здесь все свои, чисто мужская компания.

Молодой, на вид 38–40-летний психоналитик оказался прилично одетым, подтянутым и опрятным, его облик резко контрастировал с видом небрежно одетого Киреева.

– Проходите, проходите в гостиную, – щебетал Вайсман, – у нас все по-простому.

Не ожидая приглашения, Киреев уже шел по коридору, но направлялся не в гостиную, а напрямик в туалетную комнату, расположение которой он знал, поскольку уже был в этом доме.

Вайсман повел молодого психоналитика в гостиную и представил его ранее пришедшим гостям:

– Профессор Лившиц Иннокентий Самуилович, доктор Разумовский Вадим Сергеевич. А это Виктор – протеже Киреева, который через пару минут явит свой лик.

Вайсман так и порывался иронически сказать, что Киреев, по своему обыкновению, пошел отлить, видимо, уже приняв пару бутылок пива. Но в присутствии профессора Лившица и нового молодого гостя он сдержался, ограничившись лишь улыбкой.

– Лебедев Виктор Константинович, – немного смущенно, но твердо произнес молодой психоналитик, пожимая руку доктору Разумовскому.

– Приятно познакомиться, – вежливо произнес профессор Лившиц, стоявший поодаль у висевшей на стене картины. Он слегка кивнул головой и внимательно посмотрел на молодого психоналитика, который, все еще не преодолев смущение, произнес:

– Я читал ваши работы, Иннокентий Самуилович, и должен выразить вам свою признательность за то, что высказанные вами идеи как в этих работах, так и на психоналитических конференциях во многом способствовали моему профессиональному росту.

– Надеюсь, – мягко сказал профессор, – вы говорите вполне искренне и ваша оценка моего скромного труда не является только долгом вежливости.

– Нет, что вы, Иннокентий Самуилович! Я действительно считаю, что вы являетесь одним из тех немногих психоналитиков, которые внесли неоценимый вклад в развитие теории и практики психоанализа. Да что там я! Многие получающие психоналитическое образование студенты учатся по вашим книгам.

– Я рад слышать, что молодые психоналитически ориентированные специалисты не гнушаются обращаться к работам представителей старшего поколения.

– Кого я вижу, – расплываясь в улыбке, громко произнес Киреев, внезапно появившийся на пороге гостиной.

– Привет, дружище!

Киреев быстрым шагом подошел к доктору Разумовскому и панибратски обнял его.

– Вадим, я несколько раз звонил тебе, но твой мобильник, видимо, знает только одну фразу: «В данный момент абонент не доступен».

– А я отключил его, чтобы хоть несколько дней не доставали меня разные типы, вроде тебя, – ничуть не смущаясь произнес Разумовский.

Только теперь, обедая гостиную мутным взглядом, Киреев заметил профессора Лившица, который после разговора с молодым психоналитиком, отойдя от висевшей на стене картины, подошел к книжным полкам, чтобы по корешкам стоящих в ряд томов определить научные и литературные интересы хозяина дома.

– Приветствую вас, уважаемый профессор! – непринужденно, но и без лишней фамильярности поздоровался Киреев. – Чертовски рад вас видеть.

– Здравствуйте, уважаемый коллега! – сдержанно и с достоинством ответил профессор Лившиц. – Надеюсь, вы хорошо встретили Новый год.

– Еще бы! Лучше не бывает! Представьте себе, что я всю новогоднюю ночь провел в обществе своего лучшего друга, который, правда, имеет обыкновение спорить со мной.

– И кто же этот друг, если не секрет? – спросил профессор Лившиц.

– Мое второе Я, – ничуть не смущаясь, ответил Киреев. – Он, паршивец, все подбивал меня выпить стакан водки, после чего хотел одержать победу в интеллектуальном споре со мной.

– Но ты, Валера, конечно, его разгромил в пух и прах, – обронил, улыбаясь, Разумовский.

– А то! Я заставил его тоже проглотить стакан водки, после чего мы оказались на равных. И вот тут-то я не упустил своего. Загнал этого паршивца в угол так, что он и пикнуть не смел. Ну а потом мы выпили с ним на брудершафт за процветание психоанализа и за то, чтобы побольше людей сходило с ума и пополняло ряды наших пациентов.

Киреев хотел еще что-то добавить, но, увидев, как Вайсман разливает коньяк по бокалам, прервал свои разглагольствования по поводу встречи Нового года.

– Друзья мои, предлагаю вам вкушать дары природы и выпить этот божественный напиток.

С этими словами он протянул Кирееву и молодому психоналитiku бокалы, на дне которых в свете зажженной люстры и мерцающих на камине свечей чуть колыхался, переливаясь мягкими красками, дорогой коньяк.

Киреев тут же молча выпил чуть ли не всю порцию, в то время как молодой психоналитик, не зная, следует ли произнести какие-то слова, немного помедлив, сделал небольшой глоток из своего бокала.

– Располагайтесь, друзья, поудобнее, а я на минутку покину вас. Поскольку у нас своего рода мальчишник и нет дам, то, с вашего позволения, я отлучусь на кухню.

С этими словами, сделав небольшой реверанс в сторону гостей, Вайсман вышел на кухню. Не успели его коллеги перекинуться парой фраз, как он вновь появился в гостиной с огромным блюдом, на котором красовалась утка с яблоками.

Поджаристая коричневато-золотистая кожа запеченной утки не могла не привлечь к себе внимание гостей. Приятный, пропитанный какими-то пряностями запах пробуждал аппетит. Но лишь Киреев, будучи холостяком и в силу этого лишенным постоянной женской заботы, не скрывая того, проглотил слюну. Остальные гости, соблюдая правила приличия, держали себя достаточно сдержанно, особенно профессор Лившиц, жена которого обладала прекрасными кулинарными способностями и потчевала своего мужа различной вкусыатиной.

– Прошу всех к столу, – жизнерадостно провозгласил Вайсман.

Он поставил большое блюдо с уткой в центр круглого, накрытого праздничной скатертью и уставленного разнообразными закусками стола. Потом рассадил вокруг него своих гостей, для чего пришлось принести еще один стул из рабочего кабинета, так как не предполагалось, что в гостях будут пять человек.

Как радушный хозяин дома, Вайсман торжественно разрезал запеченную утку на несколько кусков и предложил начать рождественскую трапезу.

Наполнив всем бокалы шампанским, он предоставил первое слово профессору Лившицу, который, поблагодарив за приглашение в столь гостеприимный, как он выразился, дом, пред-

ложил выпить за отсутствующих, но прекрасных дам и прежде всего за хозяйку, создавшую в этом доме уют и, несомненно, приложившую значительные усилия для того, чтобы мужчины могли ощутить комфорт даже в ее отсутствие.

Все поддержали профессора, отдавая дань признательности жене Вайсмана, и стоя выпили за хозяйку дома. Отдельваясь шутками по поводу своего благополучного семейного положения, Вайсман следил за тем, чтобы тарелки гостей не были пустыми, ненавязчиво предлагал им различные закуски и, заметив у кого-нибудь пустой бокал, старался незаметно пополнить его. Он был достаточно прост в общении со своими коллегами и предельно почтителен по отношению к профессору.

Благодаря его тонкому дипломатическому искусству поддержания непринужденной обстановки за рождественским столом все гости чувствовали себя действительно как дома.

– Черт возьми! До чего же хорошо находиться в семейном доме, – пробормотал размягченный от еды и выпитого коньяка Киреев.

– А ты, Валера, женись, и у тебя будет дом полная чаша, – стал подначивать своего коллегу Разумовский, который прекрасно знал, что тот является заядлым, принципиальным холостяком.

– Э, нет, не нашлось еще такой бабенки, которая смогла бы охомутать меня. Знаю я эту паскудную породу. Всем им надо лишь одно – деньги и побрякушки.

– Ну и что? – не то чтобы возразил, но не поддержал Киреева Вайсман. – Да, многие из них любят деньги и дорогие украшения. И пусть! На то они и женщины, прекрасный пол. Зато если жена хорошая хозяйка и понимающая супруга, то она создаст такой комфорт, что можно спокойно заниматься своими делами и ни о чем не беспокоиться.

– А что такое понимающая супруга? – осторожно спросил молодой психоналитик.

– Понимающая супруга? Это... Впрочем, извините меня, вы женаты? – обратился Вайсман к молодому человеку.

– Пока нет, хотя подумываю и считаю, что в принципе у психоналитика должен быть надежный тыл в лице верной жены.

– Чего, чего? – презрительно воскликнул Киреев. – Надежный тыл, верная жена. Это все только в принципе, а на деле все бабы вертихвостки. Прошу прощения, уважаемый профессор, но это не относится к вашей жене, которая является приятным исключением.

Профессор Лившиц ничего не ответил и лишь покачал головой в знак несогласия с подобной общей оценкой женщин, хотя ему было приятно слышать от такого противника семейной жизни, как Киреев, что его жена составляет исключение.

Он слышал от своих коллег, что в молодые годы Киреев был что называется по уши влюблен в одну девушку. Та вроде бы тоже отвечала ему взаимностью. Однако девушка предпочла ему, в то время бедному студенту, какого-то состоятельного пожилого мужчину, то ли директора комбината, то ли партийного функционера. С тех пор Киреев стал ярким противником каких-либо семейных отношений, считая женщин, как он сам неоднократно заявлял, продажными потаскухами.

Так ли это было на самом деле или нет, профессор Лившиц точно не знал, да и не стремился к подобному знанию. Однако после однажды услышанной от кого-то истории о несчастной любви Киреева он стал относиться к нему более терпимо, чем ранее, и не реагировал слишком уж резко ни на его язвительные высказывания в адрес женщин, ни на его подчас экстравагантное поведение, ни на его колкости, связанные с дискуссиями по поводу эффективности психоналитической терапии и профессионального статуса психоналитиков.

– Нет, лучше уж общаться у себя дома со своим вторым Я, чем выслушивать требования и капризы несносных баб, патологически мечтающих о замужестве, – продолжал Киреев.

– Постой, Валера, ведь ты только что признал, как хорошо находиться в семейном доме, наслаждаться коньяком и жареной уткой, – прервал монолог Киреева Разумовский.

– Не передергивай, Вадим. Я сказал, что хорошо быть в семейном доме, имея в виду гостеприимный дом, в который можно прийти с друзьями и насладиться всем тем, чем мы сейчас наслаждаемся. Но я не говорил, что ради жареной утки готов впустить какую-то женщину в свой холостяцкий дом. Мне это совсем ни к чему, тем более что в данный момент я имею возможность отведать это вкусное блюдо, за что, Аркаша, тебе особое спасибо.

– На здоровье, дорогой! Кушай, не стесняйся! – с нарочито грузинским акцентом произнес Вайсман.

– Но давай вернемся, извини за каламбур, к нашим баранам. Молодой коллега спросил, что значит понимающая жена. И я хочу ответить ему.

Мне думается, что понимающая жена – это та, которая прощает некоторые вполне допустимые шалости мужа и, несмотря на ревность и обиду, остается верной супругой и хранителем семейного очага.

Сделав небольшую паузу и выразительно посмотрев в глаза молодого психоналитика, Вайсман спросил его:

– Надеюсь, я понятно выразился?

Молодой психоналитик не успел ничего ответить, как подал голос Разумовский:

– Аркаша! Не пудри мозги молодежи! Оставь свою философию при себе! Молодой человек серьезно относится к предстоящему браку, и нечего его смущать.

– Кто смущает его, Вадим? Я ведь говорю о прозе жизни. Кстати, для человека еще не женатого, но собирающегося создавать семью, полезно будет послушать старый, как говорится, с бородой, но, надеюсь, не менее актуальный и сегодня анекдот про еврея, который никак не мог принять окончательного решения относительно женитьбы:

«Жениться мне или нет, как ты думаешь, Иосиф, – попросил совета Абрам. «Конечно, женись, рядом будет любимая женщина», – посоветовал тот. «Любимая женщина – это хорошо, но вдруг она будет неверной мне», – рассуждает Абрам. «Ну, так не женись», – говорит Иосиф. «С любимой женщиной хорошо, она и обед сварит и стирает», – размышляет Абрам. «Тогда женись», – говорит Иосиф. «Женишься, дети пойдут, а их надо кормить», – возражает Абрам. «Тогда не женись», – говорит Иосиф. «Не будет детей, тогда в старости никто стакан воды не подаст», – горестно отвечает Абрам».

Коллеги не раз слышали этот анекдот от Вайсмана, но он с таким неподражаемым еврейским акцентом рассказывал его, что они не могли не засмеяться. Поскольку анекдот адресовался молодому психоналитнику, то он тоже поддался общему веселью, хотя и довольно сдержанно, поскольку, судя по всему, ему было не так уж и смешно.

Вайсман же, довольный смехом коллег, продолжал:

– Так вот я и говорю, что понимающая жена всегда простит, назовем все своими именами, измену мужа. Простит и стерпит ради сохранения семьи.

– А что? В этом что-то есть, – подхватил высказанное соображение Разумовский. – В отличие от женщины мужчина по своей природе полигамен. Так что ему сам бог разрешает иметь кроме жены и наряду с ней других сексуальных партнеров.

– Иметь или не иметь? Вот в чем вопрос, – перефразировал Шекспира Киреев. – По мне, так лучше иметь их всех вместе взятых вместо того, чтобы иметь какую-либо одну бабенку в качестве жены. Как говорится, лучше оставаться пусть голодным, но свободным, чем быть сытым, но связанным по рукам и ногам. Или, прошу извинить меня, уважаемый профессор, за молодежный сленг, лучше трахать других, чем быть рогоносцем самому.

– Не так ли, коллега? – обратился он с вопросом к молодому психоналитнику.

Тот не сразу ответил, не решаясь высказать свое мнение по этому вопросу в присутствии профессора Лившица.

Да и что он мог сказать старшим коллегам, когда в отличие от многих своих сверстников, свободно вступающих в любые сексуальные отношения с любыми партнерами мужского и женского пола и имеющих жен и детей, у него самого не было стабильной сексуальной жизни.

Его собственный сексуальный опыт ограничивался довольно непродолжительными близкими отношениями с двумя зрелыми женщинами, и с ними, кроме элементарной сексуальной разрядки, он не чувствовал ничего такого, что могло бы захватить его с головой.

В его представлениях о высокой любви, чувственность должна органически сочетаться с нежностью к тому единственному человеку, оргазм с которым был бы величайшим наслаждением на земле. А этого-то как раз и не было в его отношениях с замужними женщинами, которым, судя по всему, он доставлял сексуальное наслаждение, но сам не испытывал того, что ему представлялось верхом блаженства. Поэтому, не говоря о том, имеет ли смысл трахаться без настоящей любви, молодой психоаналитик предпринял попытку перевести разговор на другую тему.

– Существует ли какое-либо психоаналитическое, а не расхожее объяснение тому, почему мужчина полигамен, а женщина моногамна? – задал он вопрос своим старшим коллегам, не адресуясь лично к кому-то из них.

Киреев, будучи женоненавистником, но отнюдь не аскетом, без всяких раздумий обронил:

– Какие тут нужны психоаналитические объяснения, которые по большей части являются интеллектуальной туфтой! Запад есть Запад. Восток есть Восток. То же самое и в отношении мужчин и женщин. Первые полигамны, вторые моногамны. Человеческую природу не переделаешь. Так было во все века, и страдающие комплексом кастрации феминистки явное тому подтверждение. Ведь их активная, направленная против доминирования мужчин деятельность является не чем иным как рационализацией сексуально озабоченных женщин, не желающих признаться в том, что их гложет извечная зависть к пенису.

– Так-то оно так, – задумчиво произнес Разумовский. – Только современные женщины оказываются не менее полигамными, чем мужчины. Во всяком случае в отличие от дам предшествующих столетий они не только вызывающе сексуально активны, но и не скрывают своих похощений.

Это раньше говорили, что некоторые мужчины меняют женщин как перчатки. Сегодня данное изречение подходит, скорее, к женщинам, которые нередко меняют мужчин, действительно, как перчатки.

Быть может, именно инфантильная зависть к пенису во взрослом возрасте все чаще толкает их к поиску разнообразных пенисов. Отсюда и их полигамность, которая, судя по всему, отнюдь не меньше, чем полигамность мужчин. Во всяком случае, в этом отношении женщины несомненно добились равенства с мужчинами.

На эту тираду Разумовского Вайсман с присущей ему обворожительной улыбкой, мягко заметил:

– Друзья! Я думаю, что полигамность полигамности рознь. Мужчина может позволить себе не только легкий флирт со многими женщинами, но и длительные сексуальные отношения с некоторыми из них. А вот женщине, особенно если она замужем, не пристало ходить по мужикам. Лучше пусть ублажает своего мужа, являясь для него не только матерью их детей или хозяйкой, доставляющей удовольствие от добротной и вкусно приготовленной пищи, но и настоящей любовницей, владеющей всеми приемами эротического искусства. И пусть жена испытывает зависть к пенису именно своего мужчины, а не гоняется за чужими пенисами в поисках чего-то сверхъестественного! Так что полигамность мужчины должна дополняться такой полигамностью женщины, которая включает в себя не другие пенисы, а разнообразные позы собственного тела, где один и тот же пенис сможет доставить ей многократное удовле-

творение, для чего ей следует холить и лелеять божественные причиндалы мужа как непреходящую и наивысшую ценность их семейной жизни.

Профессор Лившиц внимательно, как казалось, слушал своих коллег. На самом же деле его забавлял этот психоаналитический треп, который, по его разумению, не имел никакого отношения к существу дела.

Комплекс кастрации, зависть к пенису – открытия гениального Фрейда, обратившего внимание на новый, ранее неведомый человечеству пласт бессознательного психического. Но тот же Фрейд был вынужден признать, что после сорока лет изучения человеческой психики он так и не смог понять до конца, чего же хочет женщина, этот «темный континент» человечества.

Когда-то в молодости, получая психоаналитическое образование, Лившиц сам принимал эти фрейдовские новации за универсальные составляющие, равным образом действенные для всех мужчин и женщин.

Но со временем, основываясь как на клинической практике, так и на собственном опыте сорокапятилетней совместной жизни со своей женой, умеющей не только вкусно готовить, но и без каких-либо комплексов наслаждаться интимными отношениями с ним, он понял, что кастрационный комплекс и зависть к пенису – не более чем интеллектуальные конструкции, далеко не всегда и тем более исчерпывающим образом объясняющие мышление и поведение обоих полов.

Какая-то дерзкая мысль пронзила его сознание, но в этот момент непредсказуемый Киреев постучал вилкой по бокалу с коньяком и в своей откровенно иронической манере, не лишенной в то же время нарочито показного почтения, обратился к сидящим за столом коллегам со словами:

– А что скажет по этому поводу наш уважаемый профессор, который, надо полагать, несомненно внесет ясность в наши дилетантские рассуждения по столь деликатному вопросу, как полигамность и моногамность различных представителей человеческого рода? Давайте послушаем многоуважаемого коллегу, ставшего известным психоаналитиком еще до того времени, когда кое-кто из нас ходил под стол пешком.

Профессор Лившиц не собирался вступать в стихийно развернувшуюся дискуссию. Но Киреев с его подковырками не оставлял ему другого выбора, в результате чего он был вынужден высказать свои соображения по данному вопросу:

– Я не думаю, – начал он, медленно подбирая слова, – что мужчины исключительно полигамны, а женщины – моногамны. Исторически так сложилось, что начиная с патриархата мужчинам позволялось такое проявление сексуальности, которое осуждалось по отношению к женщинам. Допускалась и процветала так называемая двойная сексуальная мораль, о чем писал в свое время Фрейд. Эта мораль подпитывалась фаллоцентрической культурой, возвышающей статус мужчины и принижающей положение женщины в обществе. Однако уже в начале XX века некоторые женщины-психоаналитики, включая Карен Хорни, выступили с критическим переосмыслением ценностей фаллоцентрической культуры. Не думаю, что мне стоит останавливаться на данном историческом срезе, поскольку вы все не только обладаете достаточными знаниями, связанными с развитием психоаналитического движения, но, полагая, где-то в глубине души ощущаете изъяны фаллоцентрического образа мышления. Но мне хотелось бы сказать несколько слов о другом. К сожалению, до сих пор нет каких-либо основательных эмпирических исследований, посвященных изучению мужской и женской полигамии. Но мой скромный клинический опыт привел меня к предположению, согласно которому наши привычные представления не соответствуют существу человеческой природы. Когда я говорю о собственном скромном клиническом опыте, то, поверьте мне, я вовсе не лукавлю и не напрашиваюсь на комплименты. Действительно, ну сколько пациентов может взять на лечение каждый из нас за всю, в общем-то, не столь длительную по времени профессиональную деятельность? 50, 100, 300, пусть даже 500? Но это капля в море, если учесть, что не все объ-

ясняется патологией и что насчитывается несколько миллиардов жителей на нашей планете. Поэтому клинический опыт каждого психоналитика, будучи по своей специфике уникальным, не может покрыть все разнообразие проявлений человеческой природы.

Профессор Лившиц прервал свое говорение, налил в пустой бокал из стоящей рядом с ним бутылки минеральную воду, неспешно сделал несколько глотков и продолжил свою речь:

– Так вот, на основе своего скромного клинического опыта и собственной семейной жизни я склонен полагать, что по своей природе более полигамны именно женщины, а не мужчины, как это принято считать. И дело не только в том, что, по выражению Юнга, мужчина, как правило, имеет образ одной Анимы, а женщина – несколько образов Анимуса. Более существенно то, что при всем своем поиске сексуального разнообразия большинство мужчин ищут ту единственную женщину, которая сможет заменить им всех остальных, в то время как большинство женщин, желая иметь в качестве супруга одного мужчину, в тайне мечтают о многих. Другое дело, что в сексуальном отношении мужчины чаще имеют связи с разными партнерами в реальной жизни, в то время как женщины – в своем воображении.

– Неужели это правда? – спросил молодой психоналитик, воспользовавшийся наступившим молчанием за рождественским столом.

– Честно сказать, – степенно ответил профессор, – я не могу утверждать это со стопроцентной уверенностью. Могу констатировать лишь то, что мне неоднократно приходилось сталкиваться с красочными фантазиями и сновидениями самых порядочных во всех отношениях женщин, в которых они имели, по их собственному признанию, многочисленные сексуальные акты с разнообразными партнерами, причем подчас одновременно. Фантазии и сновидения мужчин в этом отношении слишком бедные и блеклые, я бы сказал, элементарно примитивные по сравнению с сексуально окрашенными фантазиями и сновидениями женщин. Правда, мужчины, чаще, чем женщины, реализуют свои находящие отражение в их фантазиях и сновидениях сексуальные проявления в обыденной реальной жизни. Я уже не говорю о том хвастовстве своими сексуальными подвигами перед другими, которое свойственно некоторым мужчинам, стремящимся тем самым компенсировать свои собственные страхи, тревоги, сексуальные сбои и неудачи.

– Позвольте, уважаемый профессор, – встрепнулся Киреев. – Не слишком ли вы сгущаете краски в отношении полигамии женщин? Ведь при всем моем почтении к вам ваш профессиональный и личный опыт тоже весьма ограничен, что вы не отрицаете сами. А вот у меня, например, бывают такие красочные сновидения полигамного характера, что подчас никак не хочется выходить из состояния сна.

Он не успел выразить до конца свою мысль, как Разумовский перебил его и, смеясь, заметил:

– Разумеется, Валера, после бутылки водки во сне могут привидеться такие очаровательные, сногшибательные чертовки, которые способны измотать не только душу, но и тело настоящего мужчины, тем более закоренелого холостяка.

После реплики Разумовского добродушный Вайсман прыснул от смеха, молодой психоналитик не удержался от улыбки, а профессор Лившиц лишь шевельнул уголками губ.

– Постой, дружище, не зубоскаль! Можно сколько угодно смеяться над бедным холостяком, но кто, как говорится, в натуре доказал, что женщины более полигамны, чем мужчины? Лично я не верю в такую перспективу, хотя признаю, что все бабы, прошу меня извинить за прямоту, сучки.

– Я не прошу вас, Валерий Юрьевич, верить в мое, еще раз повторю, предположение, основанное на личном профессиональном и семейном опыте. Ведь вы и сидящие здесь коллеги – квалифицированные психоналитики. Вот и проверьте на клиническом материале высказанную мной гипотезу. И не только на клиническом материале. Хорошо бы провести соответству-

ющие исследования на тех, кого мы считаем здоровыми. Причем следовало бы провести сравнительные исследования на материале различных обществ и культур.

– Да, все это заманчиво, но кто же будет финансировать подобные исследования. Богатеньких Буратино, насколько я понимаю, – промолвил Разумовский, – сейчас днем с огнем не сыщешь. Да и кто же из клиницистов станет заниматься сомнительными, тем более не приносящими материальный доход исследованиями!

Бессеребренников, увы, нет в эпоху развития дикого отечественного капитализма. Проще получать гонорары со своих пациентов и тратить их на все необходимое для жизни, включая прекрасных женщин.

– Кстати, – вмешался Киреев. – Если женщины, как вы, уважаемый профессор, утверждаете, более полигамны, чем мужчины, то, да прошу меня извинить за такую вольность, чисто гипотетически это может относиться и к вашей жене, при всем моем глубочайшем уважении к ней. Но разве такое положение не может вызывать у вас тревогу или по меньшей мере внутреннее беспокойство? Как можно оставаться спокойным, если знаешь, что все женщины полигамны?

В гостиной повисло молчание.

Молодой психоаналитик перестал жевать и осторожно положил на свою тарелку вилку с нанизанным на нее кусочком буженины, который он намеревался съесть. Он взглянул на профессора, затем, отведя поспешно свой взор от него, зачем-то начал мять до этого ровно сложенную салфетку, которая ранее лежала нетронутой возле его тарелки.

Разумовский, напротив, потянулся к бокалу с коньяком, отпил из него и, держа его в руке, стал ждать, как отреагирует профессор на столь дерзкий выпад со стороны Киреева. Ему было чертовски интересно послушать, как выкрутится из создавшегося положения этот, как называл его про себя Разумовский, «доисторический динозавр эпохи классического психоанализа».

Вайсман, только что съевший нежный кусочек осетрины, перестал ощущать ее божественный вкус. Почувствовав напряженность за столом, он лихорадочно соображал, как без ущемления достоинства профессора выйти из данной пикантной ситуации.

Только Киреев как ни в чем не бывало шмыгнул носом, потянулся к тарелке, на которой лежали маринованные огурцы, выбрал из них наиболее приглянувшийся ему, взял рукой, поднес ко рту и с хрустом откусил. Всем своим видом он давал понять, что ничего особенного не произошло и его адресованный вопрос профессору обычный, а главное, нормальный в ходе дружеского застолья.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.